

Опубликовано с небольшими (согласованными) изменениями и под другим названием в аналитическом еженедельнике «Дело» 13 сентября 2004 г.
См. <http://www.idelo.ru/340/>

Олег Кен

Dèjà lu

А. Михник. А каково место Сталина в истории России?
– **Гм, это провокационный вопрос.**

А. Михник. Немного?

– **Ну, немного. Ха, ха... Сталин. Без сомнения. Человечек, который в большой мере руководствовался только стремлением к сохранению власти. И это многое объясняет.**

Интервью Адама Михника с президентом России.

(Кремль, вечер 14 января 2002 г.)

Gazeta Wyborcza. 16.01.2002.

Речь Путина, отметившая пятилетие его пребывания на вершине власти, стала его первым обращением к нации. Прежде он обращался к народу, избирателям, доверенным лицам, военнослужащим, женщинам или ветеранам или федеральному собранию. К нации – всеобъемлющему сообществу граждан, которое образует страну Путин обратился впервые.

Ее содержание оказалось ошеломляющим. Окаймленная траурной рамкой, выступление Путина посвящено вовсе не бесланской трагедии, не двухнедельному средоточию кровавых событий на пространстве от Грозного до Москвы. Заверение, что «каждый из нас глубоко страдал» уравнивают переживания посторонних с пучиной горя и гнева, в которую оказались погружены тысячи жителей Беслана. Намерение обратиться «со словами поддержки и сопереживания к людям, потерявшим самое дорогое в жизни» осталось неосуществленным – на этих словах все и кончилось. В. Путин не нашел слов сострадания потому, что он их не искал.

Не искал он и адресата. Едва ли не впервые, речь главы государства была лишена обращения (лишь в завершающей части появляются «уважаемые соотечественники, дорогие друзья»). Он говорил наедине с глазком телекамеры, отъединенный от людей и мира, и говорить ему было «трудно и горько». Понять его тоже нелегко.

Никогда прежде в речах главы российского государства не соединялись оценка переживаемой страной исторической эпохи и объявление о «нападении на нашу страну» «прямой интервенции» против России, «тотальной, жестокой, полномасштабной войне». Тремя годами ранее подобное заявление американского президента предварялись телевизионным пояснением – стихийно возникшим (и казавшимся единственно возможным) пояснением к зрелищу вонзающихся в тело Нью-Йорка самолетов – «нападение на Америку». Перенос этого понятия на Россию, несмотря на приурочивающее заявление С. Иванова утром 1 сентября, кажется столь же мало мотивированным фактическими обстоятельствами, как зачисление в негры террориста, чей труп почернел на бесланской жаре.

Обозреватели, политики и аналитики пытаются понять и объяснить, какое политическое содержание стоит за заявлениями Путина, твердость которых умеряется их неясностью. Какими в действительности станут те меры – «первое, второе, третье» – о которых он объ-

явил? Сегодня? Завтра? Позже? Каковы те сигналы, которые посылает своей стране и миру? До каких пределов он намерен дойти? Ясный ответ на них невозможен уже потому, что этого, вероятно, не знает и сам Путин.

Однако то, чего порой не осознает автор произведения, может оказаться доступным читателю, пытающемуся разобраться в его литературных истоках, логике образного мышления, художественных доминантах.

Нельзя сказать, что исток логики Путина **кроется** в сталинском наследии. Они **вопиют** о своем родстве – родстве, которое на сознательном уровне Путин, похоже, был бы не прочь скрыть от самого себя.

МЫ или ИДИОТСКАЯ БОЛЕЗНЬ – БЛАГОДУШИЕ

Самый поверхностный анализ выступления Путина укажет на знаменитое «Мы», уловленное Евгением Замятиным, воспетое Владимиром Маяковским – и столь любимое могущественным советским вождем, всегда предпочитавшим говорить о своих преступлениях как о коллективных ошибках. Использованием «мы» Сталин достигал вместе с тем эффекта смелой самокритики, избавлявшей общество от нелегкой задачи предъявлять вождю какие-либо претензии. Он сам определял, в чем он виноват. Виноват он, разумеется, мог быть лишь вместе с другими, ибо будучи скромным человеком из народа, всегда чувствовал, что живет одной жизнью с ним, старается «быть как Антей» – и лишь потому имеет право вести его за собой и формулировать от имени «мы» их общую вину. Впрочем, единство персональной и всенародной ответственности заставляло избегать самого понятия виновности. Может ли быть виноват народ перед самим собой, особенно если он идет верным путем? Да и как он может идти неверным путем? Не правильнее ли говорить о «недооценке», «неподготовленности», отражающих внутреннюю борьбу хорошего с лучшим в условиях окруженности мировым злом?

Понятно поэтому, что самокритичность Сталина просто не могла быть лишь самокритичностью (и приходилось проследить, чтобы исполнители страдали от своего несовершенства, никак не меньше, чем сам вождь). направленности политического курса (разумеется, «единственно возможного»), но всегда побуждавшей его к преодолению своей излишней мягкости и доверчивой забывчивости.

Так на исходе 30-х годов Сталин рассуждал об уроках борьбы советского государства с бандами троцкистско-бухаринских террористов, диверсантов и заговорщиков. Он будто заметил, что в стране, охваченной военными приготовлениями, ксенофобией, шпиономанией, несмотря на успешно проведенные «кулацкую», «польскую», «корейскую» и т.д. операции, все же засквозила «недооценка факта капиталистического окружения». В вопросах некоторых товарищей «сквозит также недооценка роли и значения буржуазных государств и их органов, засылающих в нашу страну шпионов, убийц и вредителей и старающихся улучшить минуту для военного нападения на нее, равно как сквозит недооценка роли и значения нашего социалистического государства и его военных и карательных и разведывательных органов, необходимых для защиты социализма от нападения извне». «Нужно признать, – продолжал Сталин, – что в этой недооценке грешны... также в известной мере **все мы, большевики, все мы без исключения**» («Отчетный доклад на XVIII партии»). Хорошим резюме этих рассуждений служит заявление Путина: **«В общем, нужно признать то, что мы не проявили понимания сложности и опасности процессов, происходящих в своей собственной стране и в мире».**

Сталин бесстрашно каялся в «нашем **непозволительно-беспечном** отношении к вопросам теории государства», т.е. в непонимании того, что происходящие в стране созидательные перемены, в данных международных условиях, не могут не сопровождаться усилением репрессивных органов (которые он романтично именовал «разведкой»). Эхо сталинского анализа отчетливо различимо в признании Путина в собственной беспечности. Мы, сказал он, «не можем, **не должны жить так же беспечно** как раньше». И «мы обязаны создать гораздо более эффективную систему безопасности, потребовать от наших правоохранительных органов действий, которые были бы адекватны уровню и размаху появившихся новых угроз» (Путин). Или – «помнить, что иностранная разведка будет засылать в нашу страну шпионов, убийц, вредителей, помнить об этом и укреплять нашу социалистическую разведку, систематически помогая ей громить и корчевать врагов народа» (Сталин).

ЛАКОМЫЙ КУСОК или КУСОК «ПОЖИРНЕЕ»

Обращение лидера к нации всегда пронизано общей гордостью. Вопрос состоит в том – какой гордостью, гордостью за что. Вторая, содержательная, часть обращения Путина открывается напоминанием «о распаде **огромного, великого государства**» (что, по смыслу высказывания есть одна из немалого числа «трагических страниц и тяжелых событий» «истории России»). И все же, «несмотря на все трудности, нам удалось сохранить **ядро этого гиганта**... И мы назвали новую страну Российской Федерацией». Итак, величие унаследовано, новизна приобретена и все это сделано «нами». Страна-подросток и при этом «одна из крупнейших ядерных держав». Путин не отметил беспрецедентный для постсоветской России экономический рост за время своего президентства. Иначе картина могла получиться внушительнее.

Оснований для гордости Сталин насчитывал побольше. Тональность его выступления перед истребляемой военной верхушкой (2 июня 1937 г.) предвосхищала «Кубанских казаков». И здесь, однако на первом месте оказывались размеры страны: «**Громадная страна**, великолепные железные дороги, флот растет, производство хлеба растет, сельское хозяйство процветает и будет процветать, промышленность идет в гору». Вывод? – «**Это такой лакомый кусок** для империалистических хищников, что он, этот кусок, обязывает нас быть бдительными. Судьба, история доверили это богатство, эту великолепную и великую страну, а мы оказались спящими, забыли, что это богатство как наша страна не может не вызывать жадности, алчности, зависти и желания захватить эту страну [...]. Мы это прозевали, не понимали. Имея эти успехи, мы превратили СССР в богатейшую страну и вместе с тем в лакомый кусок для всех хищников, которые не успокоятся до тех пор, пока не испробуют всех мер к тому, чтобы **отхватить от этого куска кое-что**» (Сталин).

«**Одни – хотят оторвать от нас кусок «пожирнее», другие им помогают**» (Путин). Ясно, что речь и здесь идет об одной и той же закономерности: величие и тучность Родины обрекает ее быть объектом вождельней хищников. «Мы это прозевали, не понимали» (Сталин), «не проявили понимания сложности и опасности процессов... в мире» (Путин).

Новое понимание подразумевает дефиниции. Путин сдержан, позволяя нам угадывать, что хищники подразделяются на тех, кто движим инстинктом к нездоровой диете и ставит перед собой частные, территориальные цели, и тех, кто полагает, что Россия «еще представляет для них угрозу» как держава и ставит своей целью устранить «эту угрозу». Вряд ли мы ошибемся, если отнесем к первой категории малые голодные страны Востока и ко второй – крупные, сопоставимые с Россией по своему весу великие державы, на которые были (?) нацелены советско-российские ракеты — страны Запада. В общем, «наша страна», сказал Путин, как бы в помощь внимательному слушателю, «оказалась не защищенной ни с Запада, ни с Востока».

Подобная же дихотомия намечалась и Сталиным. С Запада – Германия, стремящаяся объединить Европу для достижения глобальной цели – полного сокрушения большевистской России. С Востока – Япония, нацеленная на отрыв Приморья и располагающая «повстанческим ядром» и расово близкими ей подрывными элементами. Впрочем, материалы московских, кемеровских и других процессов не оставляли сомнений в том, что шпионами, убийцами, диверсантами для ослабления пользуются все, сколько-нибудь заметные страны мира (почетное исключение делалось для тогдашних США, чьих агентов в СССР почему-то почти не отыскивалось).

Комплекс собственного национального превосходства и комплекс жертвы образуют, видимо, страшную смесь, самопорождающую все новых гомункулов. Сталин уверовал в свои собственные построения и придуманные по его указаниям чекистские доклады. В октябре 1938 г. он получил протокол допроса Бориса Бермана, экс-наркома белорусского НКВД. Со ссылкой на «офицера связи», которого ему прислали «Гитлер и Геринг» несчастный Берман в деталях поведал о совещании «польской, японской, немецкой, английской, итальянской и французской разведок», которые, согласно общему плану войны с СССР, сговаривались о совместной работе, использовании «разведывательных хуторов Геринга», разложении советской молодежи и проч. «В какой конкретной мере и форме договорились обмениваться материалом об СССР – мне офицер ничего не говорил...», – вильнул было обреченный чекист. «Врешь. Ты сам присутствовал на совещании», – написал на полях Сталин.

«Знание» целей предполагаемых геополитических противников неумолимо диктует пренебречь сложной прозой действительности, анализом реальными интересами реальных субъектов социальной жизни. Рассказы о шпионско-террористическом интернационале, тотально враждебном СССР, избавляли Сталина от многих забот (и позволяли радоваться «лакомым кускам», завладение которыми неумолимо приближало 22 июня).

Увы, Путин подчеркнуто отказался от обсуждения интересов и поведения различных сил и групп в Северо-Кавказском регионе, на Ближнем и Среднем Востоке и т.д. Он говорил лишь о целях врага – целях, извлеченных из телеологически отысканных интересов: оторвать кусок «пожирнее», помочь в этом. «И терроризм – это, конечно, только инструмент для достижения таких целей». «...Те, кто послал бандитов... – ставили своей целью...». Однако цели неназванного субъекта принципиально нефальсифицируемы (в попперовском смысле) – их существование подобно фантомам, их невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть аргументами, основанными на фактах.

Или, может быть, снова допросить какого-нибудь Бермана, поднаторевшего в сочинении сценариев для осуждения других, а затем упоенно отправившего на долгожданную казнь и себя самого, заодно с иными «карьеристами-чекистами»?

А ОТСТАЛЫХ БЬЮТ или А СЛАБЫХ – БЬЮТ

Эта мысль образует логический центр выступления Путина. Она демонстративно проста и крайне банальна. Однако простота эта обманчива.

К размышлениям о слабости и силе России Сталин особенно настойчиво обращался в конце 20-х – начале 30-х гг., когда ему пришлось отыскивать обоснование курсу на тотальное государственное насилие и форсирование технической модернизации, а затем столкнуться с сомнениями в оправданности массовых человеческих жертв. В своей знаменитой речи февраля 1931 г. Сталин дал наиболее полное выражение своему видению дилеммы, стоящей перед страной: «Задержать темпы – это значит отстать. **А отсталых**

бьют. Но мы не хотим оказаться битыми. Нет, не хотим». Затем Сталин нарисовал картину жесткого битья России ханами, беками, феодалами, баронами, панами и капиталистами и пояснил – «били за отсталость» (Сталин как-то упустил объяснить, как русские войска оказались в Неаполе, Берлине и Париже, а Россия подчинила себе соседние народы – от Вислы до Амура). «Они били и приговаривали: «ты обильная», стало быть можно на твой счет пожить. Они били и приговаривали: «ты убогая, бессильная» – стало быть, можно бить и грабить тебя безнаказанно. Таков уж волчий закон эксплуататоров – бить слабых и отсталых. Волчий закон капитализма». В 1934 г., поучая монгольского министра Гендуна, Сталин еще раз сформулировал эту мысль: «Не надо забывать, что **слабых бьют**, а считаются только с сильными».

Слабость и даже отсталость предстают у Сталина не феноменами экономики и культуры, а исключительно обозначениями одного из полюсов войны всех против всех. Основы сталинского военно-примитивистского мировоззрения были впервые изложены им еще в 1924 г. – Первейшей заботой после смерти Ленина явилось для Сталина упорядочение его политического наследия, избавление ленинизма от временного и случайного, формулирование стратегии и тактики, ибо в этом и состоит «наука о руководстве». Широкий стратегический подход позволил Сталину расправиться с неразрешимыми вопросами о сути и перспективах Советской власти. «Раньше рассматривали пролетарскую революцию как результат исключительно внутреннего развития страны [...]. – объяснил Сталин. – Теперь надо рассматривать пролетарскую революцию прежде всего... как результат разрыва цепи мирового империалистического фронта...». Захват власти большевиками произошел потому, что Россия была «величайшим резервом западного империализма», «сторожевым псом империализма на востоке Европе», «агентурой западного империализма» и борьба с местным «военно-феодальным империализмом» «должна была перерасти» в борьбу с международным империализмом. Это и сделало революцию в России пролетарской ибо, по Сталину, пролетарская революция есть «революция против империализма» – парафраз войны «нации-пролетарки» за «место под солнцем». Касаясь «труда и капитала» Сталин рисует картину бескомпромиссной борьбы за господство: «Либо отдайся на милость капиталу, прозябая по-старому и опускайся вниз, либо берись за новое оружие – так ставит вопрос империализм перед миллионными массами пролетариата».

В сталинской картине бесчеловечного мира и порожденной им «пролетарской революции» нет места ни «свободе», ни «освобождению» – их полностью вытесняют образы ковки нового оружия, поднятия знамени, взрывов, «прямого штурма», битвы, неотвратимых войн, коалиции, ведущей к объединению фронтов. «Пролетарская революция» становится у Сталина обозначением тотальной войны, долгой и решительной, охватывающей все стороны жизни общества, не знающей ограничений, ведущейся на всех мыслимых фронтах и в мировом масштабе.

Помогает ли сказанное понять Путина? Мир, о котором он говорит, напоминает изображенные Сталиным джунгли столетней давности. В нем властвуют силовые факторы – сгустки силы, освобожденные от культуры и хозяйства, лишённые всякого особенного выражения лица. Мотивы и цели анонимных действующих сил просты и универсальны (неудивительно, что они могут быть определены априорно). Перед нами старое как мир столкновение силы и воли двух сторон. «Террористы считают, что они сильнее нас. Что они смогут запугать нас своей жестокостью, смогут парализовать нашу волю и разложить наше общество». Анализ социальной основы, экономического положения, мировоззрения врага – всего того, в чем не отказывали даже советские пропагандисты, даже германскому национал-социализму, даже когда немцы были на Волге, оказывается для целей Путина совершенно несущественен.

Соответственно и дилемма, стоящая перед Россией, очень проста. Всякая альтернативы – порождение свободы воли, присущей человеку как подобию Творца – в животном царстве оборачивается иллюзией. «...Казалось бы, у нас есть выбор - дать им отпор или согласиться с их притязаниями. Сдаться, позволить разрушить и "растачить" Россию в надежде на то, что они в конце концов оставят нас в покое» (Путин). «Либо отдайся на милость..., прозябая по-старому и опускайся вниз, либо берись за новое оружие...» (Сталин).

Ясно, что «в действительности никакого выбора у нас просто нет» (Разъяснять эту мысль, пожалуй, нужно лишь для тех, чья голова забита ложными понятиями, конфетти социального мышления и экзистенциального выбора) «Потому что стоит нам позволить себя шантажировать и поддаться панике – мы погрузим миллионы людей в нескончаемую череду кровавых конфликтов, по примеру Карабаха и Приднестровья и других подобных трагедий. Нельзя не видеть очевидного».

(Поразительного, что именно тогда, когда Путин приблизился к человеческому измерению, взгляд его останавливается на изолированных локальных конфликтах, отнюдь не самых продолжительных и кровавых. Перспективы их разрешения неясны, но оружие давно смолкло. Почему же Путину они предстали столь показательно опасными? – Потому ли, что национальное меньшинство сумело навязать своему бывшему суверену мирное сосуществование? Потому ли, что определение судьбы Приднестровья и ее отношений с Молдовой, установление окончательной границы между Арменией и Азербайджаном связывается с участием в переговорах третьих стран?)

В общем «сложность... процессов, происходящих в своей собственной стране и в мире», следует понимать как их необычайную социально-политическую простоту и организационно-техническую трудность. «Мы имеем дело с прямой интервенцией международного террора против России. С тотальной, жестокой, полномасштабной войной, которая вновь и вновь уносит жизни наших соотечественников. Весь мировой опыт показывает, что такие войны, к сожалению, быстро не заканчиваются. В этих условиях мы просто не можем, не должны жить также беспечно как раньше. Но **самое главное - это мобилизация нации перед общей опасностью**. События в других странах показывают: наиболее эффективный отпор террористы получают именно там, где сталкиваются не только с мощью государства, но и с организованным, сплоченным гражданским обществом».

Последовательная трактовка событий как отражения вечной волчьей борьбы предопределяет вывод о том, что общество в интересах самосохранения должно слиться с государством – стать «организованным» и «сплоченным». Сталину не приходилось трудиться над укрощением понятия гражданского общества и в письме комсомольцу Иванову (1938 г.) он сформулировал ту же мысль намного проще: «**Нужно весь наш народ держать в состоянии мобилизационной готовности** перед лицом опасности военного нападения, чтобы никакая «случайность» и никакие фокусы наших внешних врагов не могли застигнуть нас врасплох». Дальнейшее хорошо известно.

Продолжить приведенные выше рассуждения нетрудно. Не требуется близкого знакомства со сталинскими писаниями, чтобы опознать знакомый почерк в троекратном «мы живем в условиях». Рудименты знаменитого катехизисного стиля, наряду с нежеланием прямо отвечать на поставленный самим автором вопрос, легко обнаружить и в загадочном диалоге Путина с самим собой («...Ко многому, что изменилось в нашей жизни, оказались абсолютно не подготовленными. Почему? Мы живем в условиях переходной экономики, не соответствующей состоянию и уровню развития общества политической системы», и т. д.). Можно продолжить. Нужно ли?

Великая сложность, трагедия и счастье человеческого существования среди себе подобных, воля к свободе и неумение с ней совладать сжались в сталинском мышлении и свелись к беспринципной борьбе безликих существ за жирный кусок и прославлению своего обладания им. Богаче ли, глубже ли, острее ли, ответственнее ли мысль и слово Путина? Следует ли он по петляющим следам диктатуры семидесятилетней давности – или его логика и чувство эпохи вводит нас в новый, многообещающий и рискованный, век?

Бесспорно, Путин – не Сталин. Он не хочет «в большой мере руководствоваться только стремлением к сохранению власти». Но разве дело только в его желаниях? Нам не уйти от банальной истины – сходство мышления рождает сходство языка. Сходство языка рождает сходство мышления.

«Реальность мысли проявляется в языке», – учил языковед Сталин.

Не только в нем.

Реальность сталинского мышления обошла россиянам и их соседям в десятки миллионов жизней. Согласимся с Путиным – «невозможно примириться с болью потерь». Вчерашних, сегодняшних, завтрашних.